

фантастическая
история

Книги Алексея Кулакова
в серии «Фантастическая История»

НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО...

ОРУЖЕЙНИКЪ

ПРОМЫШЛЕННИКЪ

МАГНАТЬ

НАСЛЕДНИК

МОСКВА, 2015

фантастическая
история

Алексей Кулаков

Магнатъ

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К90

Серия основана в 2010 году
Выпуск 103

Кулаков А. И.

К90 Магнать: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 377 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1940-1

Мало закатить камень на вершину горы. Нужно еще постараться, чтобы твой труд не пропал даром! Наш современник, волей случая сменивший век двадцать первый на девятнадцатый и ставший молодым, родовитым и... практически нищим князем, вдобавок последним в своем роду, окончательно принял новое имя и жизнь. Начав все с чистого листа, всего за семь лет достиг вершин общества, признания и успеха. Удача сопутствует князю Агрневу, но будет ли так всегда?.. Покатится ли его «камешек» легко по склону, побуждая к движению сначала камешки поменьше, а затем и большие валуны, и превратится ли его бег в неуправляемую лавину? Или он остановится перед непреодолимым препятствием и станет еще одним памятником тщетности сует?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Кулаков А. И., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-1940-1

ПРОЛОГ

В жаркий летний день от городской окраины к проходной оружейной фабрики приближались трое высоких, статных и удивительно жилистых мужчин. А еще вернее, полноправных казаков — чем ближе они подходили, тем отчетливее можно было различить фуражки и широкие синие лампасы на шароварах. На проходной они и вовсе развеяли все возможные сомнения, с врожденной казачьей непринужденностью проигнорировав как турникет, так и самого охранника при нем. Миновали первый, попытались обогнуть второго...

— Ну-ка, замерли! Теперь на две сажени назад. Живо!

Особенную убедительность этой просьбе придавала рукоятка револьвера, торчащая из открытой кобуры, и правая ладонь охранника, зацепившаяся большим пальцем за ремень аккурат рядом с этой самой кобурой. Казачки переглянулись, пожалы плечами и все так же непринужденно вернулись обратно, причем один успел с насмешкой шепнуть другому что-то вроде: «Какие грозные сторожа на фабрике!»

— Служивый, а как бы нам самого главного увидеть, а?

— Вам назначено?

— Да вроде нет.

— Запись на прием вон за той зеленой дверью.

Гости Сестрорецка опять переглянулись, на сей раз озадаченно. Затем пожалы плечами, переваривая непонятный ответ, и повторили попытку:

— Да ты не понял, служивый. Мы сродственники его, нам так можно, без всяких там... этих ваших штук.

— Запись на прием вон за той зеленой дверью.

— Да поняли мы уже, поняли. Ну а письмецо-то от батюшки передать ему можешь? Или что братья сродные¹ до него приехали?

¹ Двоюродные. — *Здесь и далее примеч. авт.*

После этих, в сущности, простых и уж точно необидных слов в глазах подтянутого мужчины в черной форме появилось очень нехорошее выражение. А рука, отцепившись от ремня, прочно обосновалась на ладно изогнутой рукояти револьвера. И неизвестно, чем бы закончился столь неудачно начавшийся разговор, если бы из темной прохлады караулки под жаркое августовское солнышко не вышел начальник охранной смены. Выслушал рапорт от подошедшего к нему подчиненного, внимательным взглядом буквально ощупал троицу мужчин, а напоследок даже попросил документы — видимо, захотел блеснуть перед ними своей грамотностью. Ну что сказать — блеснул, после чего ненадолго задумался, затем, сделав им знак обождать, скрылся на пару-тройку минут в караулке. Вернулся с явным удивлением на лице и, как-то странно косясь на синелампасников, отрядил одного из подчиненных в провожатые:

— Идите за ним.

Трое «сродственников» спокойно миновали грозного стража проходной и вразвалочку зашагали, активно вертя головами по сторонам. На пути до неведомого пункта назначения им встретилось немало интересного и еще больше непонятого, но больше всего запомнилась артель юных тружениц швейного цеха, небольшим табунком направлявшаяся в столовую. И красотой лиц, и очень даже упруго-фигуристыми статьями, дополненными острыми и смешливыми язычками — а еще тем, что внимание столь хорошеньких (прямо как на подбор!) дивчин, вкупе с парой-тройкой приветливых фраз, получил только и исключительно их провожатый в черной униформе. Нет, на них тоже посмотрели... равнодушно и мельком, словно бы на пустое место. Отчего brave казаки, немало озадаченные последним обстоятельством, почти и не заметили, как поменялся их сопровождающий. И пришли в себя только при виде группы мужчин, развлекающихся привычным и, самое главное — насквозь понятным делом. У них дома тоже любили почесать кулаки о соседа — в небольшой дружеской потасовке, разумеется. Правда, станичники «дружили» один на один, на крайний случай ватажкой на ватажку, а не трое против одного. Да и на руки обычно ничего смягчающего удары не надевали... Но кто их знает, какие в Сестрорецке порядки насчет немудреных мужских развлечений? Тем более что одинокий боец против такого неравенства сил явно не возражал. Хотя напор на него был весьма велик, да и удары прилетали очень даже увеси-

стые — он же только весело скалился и постоянно перемещался, старательно прикрываясь ближним противником от всех остальных.

Бац! Бац!

Бац!..

Ну то есть очень старался, чтобы оно так и выходило, и уж точно не жадничал на ответные «плюшки». Не рискуя, впрочем, задерживаться на одном месте больше секунды-двух.

— Хоп! Северьян.

Теперь уже недавний агрессор запрыгал веселым козликком, уходя от настойчивого внимания все той же троицы бойцов — вот только состав был немного другим. И его неудавшаяся жертва проявляла себя в нападении ничуть не хуже, а скорее даже куда лучше, нежели в обороне: все-таки личная заинтересованность — великая вещь! Так что уже через десяток секунд «зайчик-попрыгайчик» пропустил мощную плюху в челюсть и слегка поплыл. За первой с минимальным отставанием последовала вторая, слегка подровнявшая левую скулу (небольшой привет от подоспевшего «загонщика»). Ну а потом и третий противник отметился, ловко сбив Северьяна подсечкой на землю, а потом резко ударив ногой. Все по той же утоптанной глинистой земле, но в то же время и рядом с тоненькой височной костью.

— Хоп! Пять минут перерыв.

Победитель тут же просиял довольной улыбкой и протянул руку, помогая подняться жестоко и, главное — быстро «убитому» супротивнику. Трое казачков подошли уже достаточно близко для того, чтобы услышать недовольное и немного непонятное ворчание проигравшего:

— Зато я в стрелковке лучше!

— Да кто бы сомневался. Но пятерку ты мне вынь да положь, хе-хе!

— Жадюга!..

— На том стою.

— Кхм?..

Новоприбывшие дружно повернули головы и с нарастающим интересом (хотя, казалось, куда уж больше!) уставились на подошедшего к ним мужчину. В запыленной и измятой форме, с «голым» лицом (впрочем, усы отсутствовали как минимум у трети присутствующих на воинском поле бойцов) и с еле заметным мазком грязи на шее. Вдобавок в его глазах све-

тилось явное узнавание — хотя до сего дня они видятся ну никак не могли.

— Чем могу помочь?

Самый старший из гостей Сестрорецка вздохнул про себя (ну опять, то же самое мочало — начинай рассказ сначала) и повторил все, что говорил сторожу у ворот и его начальнику.

— Главного?.. Хм. А какого именно? У нас на фабрике главных много. Есть по станкам, в столовой есть главная, над кладовщиками, над грузчиками...

— Да нет, я ж говорю — нам самый главный нужен. Грегорей Дмитрич Долгин! Дело у нас до него.

Мужчина понимающе и уважительно покачал головой, принимая свою оплошку:

— То-то я смотрю, вы так похожи... Родственники, значит?

Еще раз качнул головой и сожалеющим тоном выдал:

— Григорий Дмитриевич вернется в Сестрорецк только послезавтра. Вы можете пока подождать, места в гостинице я вам обеспечу. Или сказать мне, — может, и сумею чем-то помочь в этом вашем деле.

Парни переглянулись.

— Ну?.. А что, вы и есть инспекторы?

— Они самые.

Видя, как они мнутя в сомнении, мужчина слегка изменил осанку и малость построжевшим голосом представился:

— Старший инспектор Демид Сошников.

Вопросительно посмотрел...

— Дмитро.

— Василий.

— Петр.

И удовлетворенно кивнул:

— Так что за дело у вас?

Уже без сомнений и сопутствующих им колебаний двадцатипятилетние казачки признались. Что все они, как один, желают поступить на службу в отдел экспедирования. С чем, собственно, и прибыли к двоюродному брату.

— Угум.

Сошников как-то странно скосил глаза влево, где отдыхали от трудов мордобойных его подчиненные, и без паузы кивнул:

— Можно попробовать. Пройдете собеседование — лично замолвлю за вас словечко перед Григорием Дмитричем.

Жилистые станичники опять запереглядывались:

— Как-то оно... Гхм. А что за собеседование такое, старшой? Ты уж растолкуй, сделай милость.

— Да просто все. Выйдете в круг, против вас один из моих ребяташек встанет. Как его носом в пыль макнете, ну или там юшку¹ пустите — все, собеседование прошли.

Петр довольно улыбнулся, орлом поглядывая по сторонам — почесать кулаки о достойного противника он любил. И умел. Многочисленные дядьки (среди которых был и отец двоюродного брата Грегорея), иногда батька, а временами так даже и сам дед — все они на совесть вдолбили в него трудную казацкую науку, так что предстоящего, хе-хе, «собеседования» он не боялся. И в спутниках своих был крепко уверен. Да и то сказать — им ли, потомственным воинам, бояться вчерашних крестьян? Пусть и поднабравшихся кое-каких ухваток? Нет, кровь казачья — не водица...

— Ну эт можно.

— Хоп!

Отдыхающие в теньке экспедиторы тут же выстроили круг, с интересом приглядываясь к соискателям должности. Отметили поразительное сходство облика каждого с господином главным инспектором, прошлись по фигурам, оценили определенную плавность и легкость движений...

— Кто первый, ты? На вот, надень.

Пока казак натягивал на руки перчатки толстой кожи, старший экспедитор коротенько перечислил все правила предстоящей «беседы»:

— Не калечить.

Почти не глядя, ткнул пальцем в молодого (пожалуй, даже помладше их самих) экспедитора, тут же сделавшего пару шагов вперед:

— Готов?

Петр покрутил головой и плечами, чуток разминаясь, несколько раз сжал-разжал кулаки, привыкая к перчаткам, и плавно протанцевал-шагнул в круг, сделав все те же два шага.

— Готов, старшой.

— Вот и славно. Хоп!

¹ Кровь.

ГЛАВА 1

— Все собрались?

Три десятка слушателей рабочих курсов Сестрорецкой оружейной фабрики, столпившиеся в одном из коридоров поселкового клуба, тут же замерли. А потом начали переглядываться, старательно определяя — кому же именно задали этот вопрос? Меж тем господин в неброской, но весьма дорогой одежде удовлетворенно кивнул, щелкнул замком, открывая дверь в учебный класс, и приглашающе махнул рукой:

— Ну же! Прошу, заходите.

Дождавшись, пока недавние крестьяне устроятся за партами и притихнут, аккуратно притворил за собой дверь и прошел на место лектора. Отодвинул в сторону длинную указку, легонько мазнул кончиками пальцев по стулу, проверяя его чистоту...

— Что же, начнем. Все вы, в недавнем прошлом, были крепкими, справными хозяевами. У каждого своя история и свои причины, заставившие уйти из родного дома в поисках лучшей доли. Что ж, вы ее нашли. В довольно скором будущем вы сможете стать вполне квалифицированными мастерами. Не голодать, честно зарабатывать себе на хлеб насущный, растить детей... Вы ведь этого хотели?

Недавно появившаяся привычка отвечать на поставленный преподавателем вопрос заставила будущих работников компании утвердительно кивнуть.

— А ведь земля-то зовет. Вы же всю жизнь ее пахали, с нее жили, своей головой да хозяйством. Тоскуете небось по прежнему укладу?

Человек за конторкой лектора сделал небольшую паузу, покатав перед собой березовую указку:

— Так я прав или нет? Вы...

Поднявшийся для ответа мужчина средних лет степенно огладил широкую бороду, вздохнул и согласился, чувствуя всей спиной молчаливую поддержку:

— Все так. Зовет, родимая. Только что ж делать, коли жизнь так сложилась?

Человек в дорогой одежде сочувствующе покивал головой. И резко сменил тему:

— А теперь поговорим о том, зачем вас всех тут собрали. Наша компания, которая, надеюсь, со временем станет и вашей, имеет определенные интересы на Дальнем Востоке империи. В частности, на торговлю лесом. И конечно, она желает получать всю возможную от этого дела прибыль. А для этого крайне желательно... Кто может сказать?

Разговор, построенный в форме привычного для будущих мастеровых занятия, с ходу дал результат — сразу несколько слушателей дисциплинированно подняли руки, желая поделиться своими соображениями.

— Вы...

— Кгхм! Ну знамо дело — надо лесины на доски распускать. Доски, они того, завсегда дороже стоят!

— Очень хорошо. Кто еще?

Увы, идея с досками оказалась одной на всех, и больше поднятых рук не наблюдалось.

— Что же, я немного дополню. Шпалы. Брус, фасонные рейки, арборит, столярная плита, смола, шпон, бумага, спирт...

Услышав последнее, мужики слегка оживились, удивленно покачивая головами. Надо же, неужели даже из веток и корневищ наловчились это дело гнать? Чудны дела твои, господи!..

— Все это будет выдываться на дюжине лесопилок и двух небольших заводах. Которым, в свою очередь, потребуются... кто? Правильно, работники.

Слушатели курсов дружно перекрестились — наконец-то в их жизни появилась хоть какая-то определенность! Конечно, далеко не все были счастливы от перспективы добровольно поехать туда, куда отправляют на каторгу да под конвоем разных там душегубов и воров. Но уж лучше работать и получать хорошую задельную плату в далекой и (по слухам) весьма холодной Сибири, чем терпеть постоянную нужду и вечный голод в центральных губерниях.

— Но!

Взяв в руки указку, мужчина взмахнул ею на манер дирижера — и многоголосые перешептывания тут же послушно стихли:

— Работникам надо где-то жить. Что-то надо есть. И не только им, но и их семьям. Съестное же везти далеко, да и накладно. Следовательно, что?..

Некоторые бородачи даже затаили дыхание, напряженно ожидая ответа. И дождались — очередной «плавной» смены темы:

— А ведь по русскому берегу Амур-реки есть не только густые леса, камни да болота, но и плодородные, не тронутые сохой земли. Не сильно много, но есть.

Попробовав указку на излом, мужчина разочарованно отложил ее в сторону — не поддалась.

— Вот и решила компания отобрать десяток-другой работников с нужным опытом, сколотить из них сельскохозяйственную артель и отправить на Дальний Восток. С тем, чтобы они обрабатывали земли компании и поставляли ей столь необходимое продовольствие.

Оратор недовольно покосился на указку, затем на слушателей и уселся на свое место.

— Условия контракта простые. Компания предоставляет работнику: дом с хлевом и амбаром, кое-какую живность, всю нужную для жизни и работы утварь и одежду. Ну и прокорм до первого урожая. Тихо!

Шлеп!

На столешницу перед змеем-искусителем в человеческом обличье звучно приземлилась стопка брошюр, извлеченных из не приметного ящичка, все в той же самой конторке. А слева от стопочки аккуратно легли лист чистойшей белоснежной бумаги и остро отточенный карандаш.

— Подробности вот в этих книжицах, читать вас научили. Я сейчас схожу до столовой, а через... ну, скажем, часа два вернусь обратно. Кому НЕ интересно это предложение компании, может спокойно уйти. Остальные, если таковые будут, записывают свое имя с фамилией на вот этот листок и дожидаются, чтобы задать вопросы.

Легкий перекус, чаепитие, а затем и всякие мелкие дела задержали Валентина Ивановича Греше на целых три часа. Да и обратно он шел, очень даже не торопясь — в клубе же первым делом завернул в курительную комнату, а потом и в уборную.

— Ну-с, продолжим?

Двадцать восемь человек послушно расселись за парты.

— Вопросы есть? О!

Из всех присутствующих только один кандидат в переселенцы поднял руку.

— Прошу.

Сухощавый (вернее сказать — тощий как жердь) мужчина, с реденькой и какой-то клочковатой бородачкой, солидно откашлялся. Огляделся по сторонам, тихонечко вздохнул и очень бережно листнул брошюрку:

— Вашество. А вот, положим, сколько же землицы на это дело определят?

— ВАШЕЙ артели определен участок в пятьсот десятин пахотной земли, плюс пастбища и сенокосы, плюс приусадебные участки каждому из работников. Гхм, неустановленного пока размера.

Гу-у!..

Аудитория наполнилась тихим гулом шепотков. Подавши-еся «на вольные хлеба», в том числе и по причине полной недостаточности (для прокорма) общинного надела, вчерашние крестьяне с трудом переваривали прозвучавшие слова. Столько земли! Для тех, кто всю жизнь кормился и жил с трех-четырех (а то и меньше) десятин тощей донельзя пашни, такое количество непаханой плодородной землицы было чем-то очень сложно представимым.

— Кхм?

Греве кашлянул с отчетливым намеком. И тут же выяснилось, почему вопросы задавал один, а остальные молчали да слушали — мужичок набрал воздуха в узкую грудь и на удивление звучно гаркнул, разом перекрывая все шепотки:

— Тихха!

Звуки как отрезало.

— А вот тут говорится, что через десять лет работы, без нареканий и взысканий, человек может получить собственный надел, аж в двадцать десятин. Это так, вашество?

Валентин Иванович кивнул, приветствуя правильные вопросы:

— Что-то я запомнювал, как вас звать-величать, уважаемый?..

Мужичок едва заметно расправил плечи и чуть громче, чем следовало, представился:

— Азарий Пантелеич! Гхм, Карасев.

Кашлянул и зачем-то добавил:

— У нас на речке, что рядом с селом, знатные караси ловились...

— Так вот, Азарий Пантелеевич, по поводу собственных наделов. Через десять лет работы на компанию — особо замечу, хорошей работы — вы сможете у нее взять кредит под минимальный процент. В виде того самого земельного надела, расположенного или в Сибири, или на Дальнем Востоке империи, или же в ее центральных губерниях. Выплаты за кредит — десятая часть урожая, мяса и молока. Можно и больше, тогда соответственно срок выплат сокращается. Если захотите продать еще какой излишек — компания приобретет и его, по хорошей цене.

Гу-у!!!

— Тихо!

Будущий (а может, и бывший) староста умело руководил переговорным процессом, вовремя затыкая самых говорливых — а Греве, с интересом его оглядев, сделал себе мысленную пометочку. Ценный кадр, однако!

— И еще. Сейчас вы мне, конечно, не поверите — но, попробовав и привыкнув работать по-новому, так, как принято в нашей компании, многие из вас не захотят и думать о своем наделе. М-да. Еще вопросы?

Сельский активист впал в глубокую задумчивость и вышел из нее только после незаметного тычка в спину.

— А?

Склонил голову, прислушиваясь к неразборчивому нашептыванию окружающих, кивнул и тут же озвучил общественный интерес:

— Вашеество, а ружьишки нам зачем? Для каких таких, извиняюсь, надобностей?

— Винтовки Бердана, переделанные в дробовые ружья, полагаются вам для целей самообороны. Граница рядом, а китайцы — народец пакостливый, да и вороватый без меры. К тому же на ногу легкий, и Амур-река им в этом не помеха. Набегут, что-то там попортят, что-то стащат, скотину угонят, набезобразничают... Оно вам надо? А так, будут опаску иметь да десятой стороной обходить. По тем же соображениям и расселять вас будем — скопом, в крепкие дома с высоким тыном. Если и набежит кто, так миром всегда отбиться легче. Но вы за это особо не переживайте, там будет кому о вашем спокойствии

подумать. Так что если и будете стрелять, так только на охоте — места там дикие, зверя пока хватает. Кстати, пушнину компания тоже принимает, по очень даже недурственным ценам. Как и орехи, ягоды, грибы, кости, рога и прочие дары природы. Нам интересно все!

— О как.

Видя, что слушатели поголовно впали в тяжкие раздумья, а их предводитель вдобавок еще и нещадно терзает свою рыжеватую бородавку, Валентин Иванович решил потихоньку закруглять агитацию:

— Первый год поедете только вы, ну и старшие сыновья — из тех, кто уже в подходящем возрасте. Вначале железной дорогой до Одессы, потом на пароходе до Владивостока, оттуда до устья Амура. До поездки все вы пройдете особый курс обучения — на Дальнем Востоке хозяйствовать надо не так, как вы привыкли, там все по-другому.

Греве взял паузу, окинул всех взглядом и, сделав значительное лицо, «добил» аудиторию:

— Справитесь — и компания организует еще несколько артелей. Так что — зубами там вцепляйтесь, руками и ногами! Сделайте все возможное, и компания вас не забудет!..

На этом личный порученец князя Агренева наконец-то закруглился, без особой спешки покинув аудиторию. А те, перед кем он так долго распинался, до самой темноты сидели и рядили, шумно обсуждая свою дальнейшую судьбу. Так ничего и не решив, постановили собраться всем обществом еще раз, с утра — которое, как известно, куда как мудренее вечера.

— Смотри-тка, какие хоромины себе Грегорей отстроил!

— Да, разбогател...

— Чего встали, шагай вперед!

Петр, заметив, как прячет усмешку их провожатый, едва не поддал своим братьям коленом под зад. Ишь, рты пораззявили, словно деревенщины какие! Казаки и не такое видали, едали да пивали. Это утверждение старший из трех братьев старательно оправдывал и дальше, невозмутимо разглядывая внутреннюю обстановку двухэтажной «лачуги» и ожидая, когда же наконец появится ее хозяин.

— Ох и красавцы!

Незаметно подобравшийся к гостям Григорий замер на месте, еще раз окинул троицу взглядом, затем улыбнулся:

— Ну поздорову, что ли, братья.

Минут через пять, когда утихли все возгласы и прекратились похлопывания по плечу и даже (временами) суровые мужские объятия, родственники расселись вокруг овального стола и дружно (почти) уставились на молодую и весьма привлекательную девицу в платье горничной. Пока та освобождала поднос от четырех стопочек, графинчика с водкой и немудреного набора закусок, ее упругие стати оценили, одобрили и даже слегка позавидовали... кое-кому, у кого губа явно не дура. Ой, не дура!.. Проводив девицу понимающими глазами, гости одобрительно заулыбались (кто как мог), а Василий тоном опытного сердцеда определил:

— Огонь-девка. Как, Грегорей, угадал?

— Не знаю.

— Шо, совсем?!

Хозяин вздохнул с непонятными интонациями и сказал, как отрезал:

— С работницами компании не сплю.

Пока три брата недоуменно переглядывались, Григорий Долгин налил по первой, поднял стопку, пригубил, а затем требовательно ждал, пока остальные три не опустеют. Молча повторил, опять подождал...

— Где письмо-то?

Приняв послание, на пару мгновений о чем-то задумался, а потом отложил послание из родной станицы и с намеком заинтересовался:

— Ну что, как оно?

Вопрос поняли правильно. Петро кривовато усмехнулся половинкой лица (вторая половина заметно распухла и отсвечивала лиловым) и осторожно пошевелил правой рукой — отбитые ребра не позволяли излишне резких движений. Дмитрий зеркально повторил все его движения, только берег он не правый бок, а левый. А вот Василий отделался легче всех. Всего лишь еле заметной хромотой и самую малость заплывшим правым глазом.

— Да нормально. Ты мне вот что скажи, Грегорей: это всех так «тепло» принимают или только мы удостоились?

— Хм. Всех, кто с ходу требует самого главного.

— А что, рази ж мы что не то сказали?

Отставной унтер-офицер медленно и демонстративно окинул взглядом «украшения» своих родственников, вышедших в отставку рядовыми.

— Не то. Самый главный у нас один. Его сиятельство князь Агреньев, Александр Яковлевич. Живых родственников у него двое — тетя да двоюродная сестра. А ты: письмецо от бабушки передать, братья приехали...

Долгую минуту все молчали.

— Да, неладно как-то все вышло. Ты уж извинись за нас, не со зла мы, по незнанию.

Хозяин опытной рукой разлил остатки водки по стопкам и проворчал:

— Уже извинился.

— И чего?

— И ничего. Он на вас и не сердился; наоборот, похвалил. Особенно тебя, Петро. Быстрый, говорит.

— Так он же нас и в глаза не видывал!..

Вместо ответа зазвенел колокольчик, тихо и мирно лежащий до этого на краю стола.

Динь-динь-динь!

Казачки удивленно наблюдали за господскими замашками родича. Вначале. Потом чувство удивления прошло, оставив после себя одно одобрение — как только появилась все та же дивчина, с подносом, причем раза в два больше первого. Не обращая никакого внимания на откровенно ласкающие взгляды гостей, расставила горшочки, переложила на стол тарелку с небольшими пшеничными лепешками, большой графин с ягодным морсом и четыре гладких и высоких бокала — после чего и вышла, унося сожаление, а также тайное вожеление трех мужчин. Да уж! Такая красота могла бы и помедленнее поднос разгружать, а то не все успели вдоволь налюбоваться.

— Как же он не видел, когда лично с вами «побеседовал»?

Петр от такой новости аж приподнялся, разом позабыв свои недавние мысли:

— То-то я смотрю, парень этот все наши ухватки да подходы знал, даже тайные! Еще попенять тебе хотел, что чужих учишь казачьему спасу...

Григорий взял в руки вилку, аккуратно снял крышечку с горшочка — и по комнате поплыл до одури вкусный запах свинины, запеченной под сыром пармезан.

— Чему-то я научил, чему-то меня научили.

Вслед за ним и остальные принялись угощаться, дружно проигнорировав вилки. В одной руке ложка, в другой кус хлеба — все, как и полагается за нормальным столом, без всяких там господских замашек. Примерно с десяток минут царило деловитое молчание, разбавленное перестукиванием столового серебра и легким позвякиванием стаканов. Затем вновь прозвенел колокольчик, все те же ловкие руки горничной убрали опустевшую посуду со стола и поставили новый графинчик с водкой, мисочку с копченостями и все те же четыре стопки. Наблюдая, как три пары глаз провожают фигуристую прислугу, хозяин покачал головой:

— Вы прямо как с голодного края прибыли.

— Хех! Не всем так везет, такую кралю под боком иметь!..

— Гм.

Господин главный инспектор машинально промокнул уголки губ накрахмаленной салфеткой и, начисто игнорируя очередные многозначительные переглядывания братьев, отстраненно заметил:

— Это вы еще в наш швейный цех не заглядывали. Вот уж где цветник-палисадник!

Все так же тихо и незаметно появившаяся горничная одним своим видом невольно оспорила последнее замечание. Все же кое-какие «цветы» растут и на «клумбе» сродственника!.. Хотя, конечно, гости и к швеям заглянуть не откажутся. Хотя бы потому, что от такого отказываться — дураков нема. Меж тем стол в третий раз обновился — рядом с графинчиком «беленькой» появился еще один, наполненный рубиновой жидкостью. Затем беззвучно легла на скатерть хрустальная пепельница, прибавилось тарелочек с закуской, а опустевшие горшочки перекочевали на поднос. Последним штрихом стала изящная резная шкатулка, поставленная по правую руку Григория.

По-прежнему игнорируя взгляды гостей (и безмерно их этим огорчая), молодая красавица ушла, прихватив свою ношу. А глава застолья откинул крышку шкатулки, открывая заинтересовавшимся взорам целые залежи разнообразных табачных богатств, не глядя, подхватил несуразно длинную папиросу и щелкнул зажигалкой. Золотой, между прочим! Придирчиво внюхиваясь в неприлично мягкий и вкусный дымок, братья слегка попривередничали в своем выборе, затем все же решили последовать примеру более удачливого родича. Пока они по очереди раскуривали свои сигариллы и крутили в руках

приятную тяжесть «Бензы», хозяин налил себе полный бокал вина, тут же его ополовинил, довольно вздохнул и принялся читать весточку из родной станицы.

— Надо же!.. Когда служить поверстали, дядько Онуфрий даже на проводы не пришел, а теперь, гляди-ка ты, добрым словом поминает, поклон передает. Неужто забыл мне свою яблоню?

Казачки дружно фыркнули, вспоминая, как шлепнулся вместе с обломившимся прямо под ним суком (с полуторасаженной высоты, между прочим, навернулся!) одиннадцатилетний любитель наливных яблочек. Прямо в объятия вышеназванного дяди, который после такой помощи в сборе урожая изрядно рассвирепел и обломал очень даже увесистую хворостину об зад «помощника». Да, славные были денечки...

— М-да.

Григорий аккуратно отложил письмецо в сторонку и раздавил остаток сигариллы в пепельнице, одновременно не без усмешки поглядывая на Петра — с видом опытного ценителя тот «дегустировал» рейнское, изрядными такими «глоточками».

— Эх, слабовата водичка! Водочка, пожалуй, куда как лучше будет. А, братья?

В ответ на незамысловатую подковырку отставной унтер-офицер пограничной стражи ответил просто и честно:

— Я привык.

И, предупреждая все остальные вопросы, продолжил:

— Все то, что вас так удивляет или просто непривычно, для меня уже давно стало обыденностью. Потому что я занимаю значимый пост в компании, и мне должно соответствовать своему месту. Поведением, речью, обликом — всем. Я специально этому учился, да и учусь по сию пору.

— Эва как!..

Петр одним только взглядом заткнул Василия, продолжая внимательно слушать.

— Весь этот недостаток, что занимает ваши мысли, горничные, дом — все это положено мне просто по должности. И та же зажигалка, на которую все никак не может наглядеться Дмитро, сушая мелочь по сравнению с... ну, например, пепельницей в виде золотого лаптя, причем последний отлит в натуральную величину.

Василий все же не утерпел:

— Что, у тебя и такое имеется?!

— Не у меня, а у нескольких знакомых мне купцов первой гильдии. Но если только возникнет подобная блажь — и у меня в кабинете появится точно такая же безделушка.

Тут уже не удержался и сам Петр:

— Что, и это тоже компания даст?

Хозяин еще раз отпил из бокала и равнодушно согласился:

— Если это будет действительно необходимо — даст, хоть дюжину. Впрочем, на подобные мелочи хватит и моих личных денег. Ладно, со мной закончили, теперь поговорим о вас.

Казачьи непривольно вытянулись и расправили плечи, ибо властности в голосе кровного родича заметно поприбавилось. Как и их веры во все, что он только что им говорил:

— Почему не хотите обратно в станицу?

— Да ну! Толком и мир-то еще не повидали, не нагулялись, а в станице... И так-то нас, пока новиками были, едва не оженили. Теперь же, стоит только вернуться, так враз окрутят — старики, поди, уже и невест нам присмотрели. Сам ведь знаешь, как оно!..

Григорий понимающе потер подбородок, мимоходом огладил усы и согласился:

— Знаю.

Действительно, гулять в одиночестве молодым казакам долго не давали — уж за чем-чем, а за этим многочисленная женская родня и самые старые, а следовательно, и авторитетные казаки следили пристально и строго. Насильно, конечно, никого в храм божий не тащили — но уговорами и постоянными намеками жизнь портили весьма основательно.

— Что же, тогда давайте подумаем. В экспедиторы вам путь заказан, потому что «собеседование» вы не прошли.

— Так уж и не прошли!.. Подумаешь, на кулачках уступил! Для казака это не главное — шашкой я кого хошь на шматки попластаю!

— Чтобы кого-то там напластать, по нему еще попасть надобно... М-да. Что у нас дальше? Охрана. Можно, но я бы не советовал: служба там по большей части рутинная, строгостей много, начнете вы с рядовых... А раз жениться вы не хотите, то и фабричные работницы без вас обойдутся. Так, дальше. Та же охрана, но на Кыштымских заводах компании — рутины поначалу мало, но потом все одно появится, а строгостей как бы не больше, чем в Сестрорецке. Еще можно

устроить вас младшими фабричными инспекторами — но прежде придется где-то с полгодика отработать на производстве простыми мастеровыми.

— Это еще зачем?

— Чтобы что-то инспектировать, Василь, надо в этом хоть немного разбираться. У меня сейчас всего два младших инспектора, и оба вышли из мастеровых... Идем дальше. Из вас получатся неплохие инструкторы физподготовки, для охраны и переселенцев. Как?

Братья уже привычно переглянулись:

— Это чего такое ты сейчас сказал?..

— Будете учить охранников, как нарушителей и дебоширов без смертоубийства скручивать. А переселенцев — натаскивать в стрельбе из дробовика.

Пользуясь небольшой паузой в разговоре, Григорий пригубил вина.

— Что там у нас дальше? А дальше у компании намечается важное и долгое дело, в местечке под названием Клондайк. Но и там вы тоже начнете с рядовых, да и порядки будут еще строже, чем в охране.

От таких «блестящих» перспектив троица заметно приуныла.

— Ну и последнее. Компания собирается устроить несколько предприятий на Дальнем Востоке империи. При этих самых предприятиях и вокруг них будут поселки, для рабочего и крестьянского люда. А места там дикие, шатается кто ни попадя — хунзузы, дикие старатели, скупщики золота, охотники с китайского берега Амура, спиртоносы, контрабандисты, беглые каторжане... Поговаривают, что и местные казачки иногда позволяют себе лишнее. А компании надо, чтобы там была тишь да гладь да божья благодать. Кое-кого мы уже туда отправили, но опытные казаки все одно будут очень даже к месту.

Братья переглянулись, посовещались мимикой и взглядами...

— Насчет последнего — нам бы поподробней...

— Это можно. Дадим каждому из вас десяток солдат-отставников из пограничной стражи. ПОКА десяток. Снарядим всем необходимым, месяца три поучим да погоняем, чтобы сладились, а потом поедете на Дальний Восток. Там опять полгода поучитесь...

— Чему?

— Например, тому, Дмитро, как не перебивать старшего, хотя бы и сродного брата. Ну или тому, как оказывать первую медицинскую помощь, читать карты, ходить по тайге и лесостепи, повадкам опасного зверья, которого там хватает, ну и прочим полезным мелочам. Походите с местными инородцами, пооботретесь, местность разведаете, основные тропы узнаете... А где-то через годик выйдете на свободную охоту.

Вот тут уже разговор перешел на знакомые каждому казаку вещи:

— На кого?

— На землях компании без ее предварительного уведомления и получения соответствующего разрешения могут находиться представители власти, духовенство, коренное население и собственно служащие компании.

— И?

— И все. Мэру пресечения для нарушителей определяют полномочные представители Дальневосточного лесного департамента компании. То есть егеря, которыми вы, возможно, станете. Возглавляет оный департамент Дымков Игорь Владиславович, проживающий в Николаевске-на-Амуре, но не разорваться же ему? Так что решать будете сами, по обстоятельствам. И отвечать за свои решения — тоже сами, причем головой.

— Вот это да!.. А это что за зверь такой дивный — ну мера пресечения? Для нарушителей?

Григорий вздохнул:

— Или отпустите, или заставьте отработать ущерб, или похороните.

Казак быстро переглянулись, резко теряя веселый настрой.

— Да, братья, у компании все серьезно. Она никогда, запомните это — никогда не бросает своих людей в беде. И всегда находит и спрашивает с виновника. И еще запомните, как «Отче наш»¹: хорошо компании — хорошо и вам. И наоборот.

— Да уж.

Петро, а вслед за ним и остальные братья покачали головой.

— А как насчет хабара?² Да и будет ли он?

— Что с боя взято, то свято! Но продавать можно только

¹ Молитва.

² Ха бар — добыча, трофеи с противника.

компании. А насчет второго... С китайской стороны приходят искатели одного очень редкого и ценного корня — вам его особо покажут. Тигра добывают, ради шкуры и требухи, пушнину, олени рога к себе тащат, крестьян обворовывают, а зачастую просто грабят. Что можно взять со спиртоносов, скупщиков золота и диких старателей, я даже и говорить не буду, чай, вы не дети малые.

Гулко пробили напольные часы в соседней комнате, словно бы эхом шелкнула крышка наручных (эко диво!) часов хозяйна, и он резко закруглился:

— Ладно, думайте, а мне бежать пора. Допивайте-доедайте, потом вас ждет сауна... гхм, то есть баня. А к вечеру уже и я вернусь.

У самого выхода из столовой господина главного инспектора догнал прихрамывающий Василий. Глянул на братьев, по сторонам...

— Гриш, а этот твой начальник... ну его сиятельство — он вообще как, норовом крут?

— Когда как, Василь, когда как. Но насчет вас высказался вполне определенно — мол, таким орлам любой рад будет.

Уже выходя из дома, Григорий Долгин на секунду остановился перед зеркалом, ища возможные огрехи в своем облике. Поправил галстук и невольно вспомнил, что на самом деле сказал ему командир насчет родственного пополнения: «Интересно было бы послушать байки, которые ты в своей станице травмишь...»

По старым московским улочкам, видевшим на своем веку и Великих князей Московских, и Царей всея Руси, и даже Императоров, неспешно передвигались двое господ — старый (вернее будет сказать — пожилой) и молодой. Занятые своей прогулкой и сопутствующей ей беседой, они даже не заметили, как их внимательно разглядывает городской, развлекающийся таким вот нехитрым способом прямо на своем боевом посту. С первого взгляда и впечатления заскучившего труженика полиции к нему приближались благодушный по причине летнего времени профессор и его любимый студент. Со второго взгляда становилось понятным, что профессор этот далеко не бедствует (впрочем, как и его спутник) и вдобавок пользуется немалым авторитетом у своих учеников — молодой человек слу-

шал его очень внимательно, не забывая кивать в нужных местах. Ну а на третий... Впрочем, парочка подошла уже достаточно близко, чтобы к внимательным глазам присоединился не менее чуткий слух:

— Двое отказались сразу, еще семеро — в течение следующих трех дней. Но на их место почти сразу попросилось полтора десятка человек, да и сейчас время от времени подходят новые просители. В общем и целом, можно... с известными оговорками конечно же! Да-с. Так вот, я считаю, что костяк дальневосточной сельхозартели уже вполне образовался, и пора переходить к следующему этапу проекта.

«Надо же, какие слова мой порученец выучил! Формирование, этап, проект... Откуда чего и нахватался... Впрочем, понятно и откуда, и от кого. М-да, испортил я карму Валентину Ивановичу. Или наоборот, выгнул в правильную сторону?»

Александр мимолетно глянул на городского, отчего тот ментально утратил все свое любопытство и преисполнился служебного рвения (уж больно тяжел был этот мимолетный взгляд), и одобрил «переход к следующему этапу»:

— Согласен.

Со сдержанным интересом оглядев Гагаринский пассаж и красочную рекламу занимающего его целиком и полностью торгового дома «Мюр и Мерилиз», славного не только качеством товара, но и удивительно хорошеньким женским персоналом, молодой промышленник равнодушно отвернулся. Но только для того, чтобы внимательно и не спеша рассмотреть здание напротив пассажа, обильно украшенное вывесками с приметными (ага, белые буквы на черном фоне) надписями. Которые, в свою очередь, разнообразием текста не поражали, всего лишь извещая всех желающих утрудить глаза, что перед ними — «Магазинь и фабрика Федора Борисовича Швабе». Для тех, кто неподдельно заинтересовался данным фактом, на фасаде здания имелись также дополнительные уточнения о том, что господин Швабе ко всему еще и «физик-механик, а также оптик двора Его Императорского Величества». Причем хороший, о чем, собственно, и свидетельствовала небольшая отдельная витринка при входе, с многочисленными благодарственными грамотами и медалями.

«Вывесок-то сколько! И везде почти одинаковый текст. Для тех, кто не понял с одного раза, что ли?»

— Вот мы и пришли, Александр Яковлевич. Так-с, начнем

знакомство! Здесь расположен отдел геодезических инструментов, сразу за ним — физических, затем химических, а медицинских...

Пройдя вслед за личным порученцем в царство оптики и полированного металла, князь быстро и вместе с тем очень внимательно огляделся, почти не вслушиваясь в речь Валентина Ивановича.

— Добрый день, господа! Могу ли я чем-либо вам помочь?

Приказчик, поспешивший навстречу постоянному клиенту магазина, еще на подходе изобразил учтивый поклон куда-то посередине между господином Греем и его спутником. А когда подошел совсем близко, то получил и ответ на свое предложение, причем на чистейшем немецком языке:

— Благодарю вас, герр?..

— Вильгельм Йохман, приказчик первого класса, к вашим услугам.

Пока он в очередной раз сгибал голову и (совсем немного) спину, Александр проследил направление взгляда своего спутника. Проследил и почти незаметно улыбнулся — самыми кончиками губ.

— Еще раз вас благодарю, но нам поможет фройляйн Розенвальд.

Ничем и никак не выразив своего удивления или недовольства, старший приказчик тут же отошел в сторонку, не забыв при этом поклониться еще разок. Видимо, следуя проверенному принципу — каши маслом не испортишь.

— Ну что же, Валентин Иванович, ведите меня к своей... гм, избранице.

Неподдельное удивление на лице мастера-оружейника и легкая тень смущения в его же глазах подсказали аристократу — он угадал. Хотя слово «угадал» в данной ситуации подходило мало. Точнее было бы — проверил и успешно подтвердил одно из своих предположений. Ну а всякие там подозрения, двухмесячная наружная слежка и прочие некрасивые, но очень успокаивающие княжескую паранойю мероприятия были мелочами, даже и недостойными какого-либо упоминания.

— Я не вполне вас понял, Александр Яковлевич...

— Ну вы ведь именно через госпожу Розенвальд размещаете все наши заказы? Постоянный клиент и все такое прочее?

— Э?.. Да, так точно.

«Господи, он еще и краснеть не разучился! Воистину мой

порученец — просто кладезь скрытых талантов. А вот и та особа, к которой он так неровно дышит. Хм?..»

Как докладывала в своей служебной записке старший делопроизводитель отдела экспедирования госпожа Зеринг — приказчица второго класса Шарлотта Розенвальд обладала как минимум двумя несомненными достоинствами. Во-первых, она была весьма хорошенькой. Причем как на фигуру, так и на лицо (что уже само по себе немало!). А во-вторых, она получила отличное образование — кое и позволило ей устроиться на свою нынешнюю должность. Можно даже сказать, что ей повезло дважды: некрасивую девушку никогда бы не взяли приказчицей на Кузнецком Мосту (больно уж место престижное), а без нужных знаний и сообразительности — в магазин приборов.

Впрочем, были у нее и отдельные недостатки. Например, в свои неполные двадцать три года Лотта была сиротой. Мало того, она была БЕДНОЙ сиротой, то есть без малейшего приданого. Вдобавок потенциальная невеста была лютеранского вероисповедания. А еще гордая. И вроде как умная. Одним словом, все эти печальные обстоятельства надежно отпугивали большую часть ее возможных ухажеров, а меньшую часть она и сама успешно отшивала, почему-то абсолютно не прельщаясь карьерой содержанки.

«Как там бишь? Проживает на Воронцовом Поле, до магазина ходит исключительно пешком. Хм, вот он, секрет ее хорошей фигуры! Часовая прогулка утром, такая же вечером, а между ними — весь день на ногах, и вместо обеда — булочка с чаем. М-да. Снимает комнату, а заодно и столуется в небогатой немецкой семье. По воскресеньям посещает Петропавловский евангелический лютеранский собор, иногда, впрочем, позволяя себе немножко прогулять это дело. Что же, общий итог — бедная, умная, гордая. Вдобавок сирота, что для моего личного оружейника есть один большой и жирный плюс. Хм, а улыбка у нее приятная...»

Александр специально приотстал, чтобы посмотреть на встречу двух... хм, одиноких сердец, — и опять-таки остался доволен. Как минимум его порученец не противен строгой и уж-жасно деловитой хозяйке небольшого отдела оптики — а это, знаете ли, открывало кое-какие интересные перспективы.

— ...как я понимаю, у вас очередной срочный заказ?

— В некотором роде, фройляйн Розенвальд, в некотором роде.

— И в каком же, герр Греве?

Приняв протянутый ей листок, госпожа приказчица второго класса погрузилась в его содержимое. И если сначала ее взгляд скользил по строчкам машинописного текста легко и свободно, то чем дальше, тем больше затруднений у нее возникало.

— Что же вы, Валентин Иванович, вот так взяли и с ходу озадачили свою собеседницу?.. И кстати, будьте добры, представьте меня.

Порученец князя в легкой растерянности посмотрел на начальство (причем, судя по тону, чем-то слегка недовольное), затем на моментально переставшую улыбаться Шарлотту и предупредительно кашлянул, разминая горло:

— Его сиятельство князь Агренов, Александр Яковлевич.

— Весьма рад нашему знакомству.

Учтливое наклонение головы и внимание в глазах наглядно подтверждали это заявление, вот только едва различимая нотка равнодушия в его голосе вносила в приветствие легкий диссонанс. Вежливость аристократов в действии...

— Хорошо. Пожалуй, теперь мы можем перейти непосредственно к интересующему меня вопросу.

Краем глаза фабрикант подметил, как старший приказчик, медленно разгуливающий по просторам торгового зала, в который уже раз сместился в их сторону.

— Моя компания осваивает новое направление... Наверняка вы слышали о кинематографе, не так ли?

Шарлотта произвольно кивнула — кто же не слышал об этом чуде! А также об очередях у касс и бешеной стоимости билетов.

— Тогда вам не надо объяснять, что компании требуются поставки оптики и ряда приборов. Особо отмечу — на постоянной основе. Что именно нас интересует и в каком количестве, изложено вот тут, пункты с первого по двенадцатый включительно.

Подождав, пока девушка еще раз пробежится глазами по листку, аристократ продолжил:

— Отдельным списком идут геодезические инструменты для топографических работ...

Греве немного повернул голову и осмотрел недлинный модельный ряд теодолитов и нивелиров.

— Кое-какие научные приборы...

Взгляд оружейника перепрыгнул на микроскопы, мимоходом задев увеличительные стекла и небольшой телескоп.

— А также мелкие партии биноклей, монокуляров и подзорных труб.

Слегка растерявшаяся от такого количества пожеланий приказчица призывно глянула в сторону начальства — и помощь немедленно прибыла. Благо что стоял старший приказчик от нее всего лишь в пяти шагах, чрезвычайно занятый осмотром витрин. Гм, на предмет возможного беспорядка.

— Господа, подобные вопросы лучше всего будет обсудить с управляющим. Прошу вас проследовать за мной.

Дернувшегo было за князем отставного мастера-оружейника остановили негромкие и спокойно-равнодушные слова:

— Валентин Иванович, пока я буду занят, пройдитесь с фройляйн Розенвальд по списку еще раз. Не хотелось бы что-нибудь упустить.

Спустя полчаса сиятельный аристократ опять появился в торговом зале. Не один — компанию ему составляли фактический владелец торговой марки «Федор Швабе» Альберт Иванович Гамбургер и все тот же приказчик первого класса. Они еще раз коротко о чем-то переговорили, поулыбались друг другу, пожали руки и разошлись — бывший баварский подданный и временно московский купец вернулся обратно в свой кабинет, а русский аристократ Агренов и подольский мещанин Вильгельм Йохман (и такие чудеса бывают на белом свете) направились в сторону непринужденно общающихся подчиненных.

Вернее будет сказать, что непринужденно общалась одна лишь только приказчица. Сам же Греве в основном отвечал на ее вопросы, при этом старательно (и небезуспешно) делая вид, что он ну совсем-совсем на нее не смотрит.

«Этак он скоро косоглазие заработает, скромняга. Хм, пожалуй, в отношении моего порученца затейник Амур использовал не штатные стрелы, а увесистую дубинку. Или даже целый гарпун — чтобы, значит, наверняка».

— Валентин Иванович.

Порученец с готовностью отвернулся от предмета своих грёз и приготовился впитывать ценные указания.

— Заказ откладывается.

Греве держался молодцом и даже не удивился столь резкому изменению планов — привык. Вот огорчение в глазах присутствовало, едва заметной тенью.

— Направьте наших стряпчих к господину Гамбургеру, для оформления договора о сотрудничестве.

Огорчение сменилось пониманием.

— Когда все формальности будут улажены, пригласите фройляйн Розенвальд в представительство компании и согласуйте с ней список первоочередных поставок.

Понимание сменилось радостным удивлением, отразившимся удивлением недоуменным в лицо приказчицы второго класса. Пригласить? Её?!

— Что же, пожалуй, на этом пока все.

Йохман тут же встрепенулся, абсолютно правильно поняв последние слова.

— Позвольте проводить ваше сиятельство!..

Закрыв за дорогими посетителями входную дверь, герр Вильгельм еще немного постоял рядом с ней. Затем глянул в сторону кабинета управляющего и только после этого вернулся к подчиненной, терпеливо ожидающей хоть каких-нибудь объяснений.

— Шарлотта... как вы, наверное, уже поняли, нам только что предложили крупный заказ. На постоянной основе.

Видя, как задумчив главный приказчик компании, девушка осторожно уточнила:

— Это ведь хорошо?

— Это прекрасно! А то в последнее время конкуренты совсем... Кгхм. Вот только его сиятельство...

Йохман непроизвольно оглянулся на вход и слегка понизил голос — недавний посетитель произвел впечатление и на него:

— ...поставил одно достаточно необременительное условие. заключающееся в том, что все дела с его компанией у нас будет вести специально назначенный человек. Вы, Лотта.

На белой коже приказчицы второго класса выступил едва заметный румянец. От возмущения при мысли, что очередной титулованный «ухажер» посчитал ее легкой добычей! Впрочем, вспомнив тяжелый холод его глаз и неподдельное равнодушие в голосе, Шарлотта тут же засомневалась.

— А почему именно я?

— Князь сослался на лестные рекомендации своего помощника. Разумеется, дополнительные обязанности будут отражены в вашем жалованье. Заключаться же они будут в следующем...

ГЛАВА 2

Попадая в этот кабинет, люди чудесным образом менялись. Чиновники становились скромны и вежливы до необычайности, царедворцы выказывали редкую предупредительность, военные чины и гвардейцы проявляли несвойственную им в обычной жизни осторожность... Одним словом, посетители никогда не кричали, никогда не врывались без стука и отвечали на все вопросы исключительно четко и по существу. А все потому, что из окон кабинета товарища¹ министра внутренних дел Российской империи, сенатора и генерал-лейтенанта Шебеко, по совместительству являвшегося командиром Отдельного корпуса жандармов, с необычайной легкостью можно было узреть как далекую Сибирь, так и еще более далекую Сахалинскую каторгу. При некоторой доле фантазии, разумеется.

— Кхм!

Убедившись, что внимание привлечено, адъютант коротко напомнил:

— Князь Агреньев.

— Что, уже полдень?

Николай Игнатьевич слегка повел плечами и шеей, сбрасывая накопившееся напряжение, захлопнул папку с многостраничным рапортом, вдумчиво изучаемым последние полчаса, и кивнул адъютанту:

— Проси.

С благожелательной миной на лице сенатор подождал, пока молодой мужчина устроится на монументальном (как, впрочем, и вся остальная мебель в кабинете) стуле, и нейтральным тоном поинтересовался — чем обязан визиту.

— Благодарю, что нашли время для того, чтобы принять меня, ваше превосходительство. Дело же мое заключается в следующем.

¹ До 1917 года так обозначалась должность заместителя министра.

Оружейный магнат на секунду замолчал, слегка шевельнув пальцами, словно бы подбирая правильные слова.

— В одной из лабораторий моей компании в данный момент разрабатывается некое устройство, называемое детекторной аркой. Суть этого устройства в том, что при прохождении человека сквозь нее становится возможным определить — есть ли при нем оружие. Быстро, незаметно и без всякого обыска.

Недолгое молчание помогло замминистра собраться с мыслями.

— Так-так, любопытно-с. Но что же вы замолчали, князь, я слушаю вас со всем вниманием...

— Для того чтобы работы над аркой завершились в кратчайшие сроки, мне нужно содействие одного довольно известного электротехника. В настоящее время тот живет в САСШ, но готов немедленно выехать на родину. Его останавливает только одно — он всерьез опасается преследования с вашей стороны.

Генерал-лейтенант недоуменно вскинул брови, одновременно по давнишней своей привычке оглаживая правую бакенбарду:

— С моей?!..

— Пожалуй, я неправильно выразился, ваше превосходительство. Со стороны возглавляемого вами учреждения. Видите ли, в свое время господин Лодыгин немного сочувствовал идеям печально известной «Народной воли».

— Так!..

— К счастью, ничего серьезного за ним не числится. Ошибки молодости, не более того.

Аристократ, сам находящийся в обсуждаемом возрасте, слегка переменял позу, закинув ногу на ногу.

— Ныне же он полностью осознал всю пагубность своих заблуждений и желал бы вернуться в пределы империи, дабы работой на ее благо искупить свои невольные прегрешения. Я готов поручиться за благоразумие Александра Николаевича.

— Вы уверены, князь?

В ответ «сестрорецкий затворник» (многие называли его именно так) вздохнул:

— Лодыгин весьма сведущ во всем, что касается электротехники... Кстати, в свое время за достижения в этой области его даже удостоили Станислава третьей степени — довольно редкий случай, не правда ли?

Он еще помолчал и с едва ощутимым нажимом закончил:

— Он **НУЖЕН** мне. И я, вне всякого сомнения, **СМОГУ** обеспечить его лояльность.

Теперь уже помолчал Шебеко — но только лишь для того, чтобы еще больше подчеркнуть весомость своего ответа:

— В таком случае, князь, мое ведомство не имеет никаких вопросов к господину Лодыгину.

— Благодарю, ваше превосходительство.

Николай Игнатьевич наклонил голову, принимая благодарность, и даже подумал было встать, дабы продемонстрировать свою приязнь уходящему магнату. Однако, как оказалось, это еще было не все.

— Кстати!.. Детекторная арка — не единственное, над чем работает моя компания. Некоторое время назад я задумался о массовых беспорядках или волнениях...

Взгляд хозяина кабинета на несколько мгновений стал пронизывающе-острым, а юный промышленник безмятежно улыбнулся:

— Виноват, я опять неточно выразился. Конечно же — о том, как в случае чего их пресекать. Ведь что у полиции есть на данный момент? Почти что и ничего. Тупые сабли, один-два револьвера на участок, в самом крайнем случае — несколько винтовок Бердана. Конечно, есть еще и казаки, с их нагайками, отточенными шашками и карабинами.

Генерал-лейтенант слушал с нескрываемым интересом, машинально пощипывая многострадальную бакенбарду.

— Но согласитесь, это уже меры чрезвычайного порядка.

— Хм-хм. А вы можете предложить что-то иное?

— Специальные гранаты с очень едким дымом — довольно трудно кричать и бесчинствовать, когда легкие буквально разрываются от кашля. Защитная амуниция, в том числе и для ареста особо опасных преступников — вроде стальных наручников особо быстрого одевания. Ну и еще кое-что, по мелочи. Но уверяю вас, эти мелочи позволят сохранить немало жизней, причем как нижним чинам полиции, так и тем, против кого оные будут действовать. Опять же пресечь беспорядок с помощью казаков, с неизбежными жертвами, или же обойтись силами только и исключительно полиции, без серьезной крови и привлечения воинских частей... Разница все же существенная. Особенно в глазах общественности.

Шебеко не удержался и кивнул.

— Также у меня есть ряд новинок непосредственно для

Корпуса жандармов — например, оружие скрытого ношения, небольшие переносные фотоаппараты и ряд других, крайне полезных приспособлений.

Заместитель министра внутренних дел, курирующий как полицию, так и жандармов, оставил в покое растительность на лице и деловито уточнил:

— Где и как можно будет ознакомиться со всем тем, что вы мне сейчас перечислили?

— В следующий понедельник я как раз устраиваю в Ораниенбауме небольшое мероприятие для начальника дворцовой охраны... Скажу вам по секрету, Петр Александрович весьма заинтересовался кое-какими образчиками пистолетов-карабинов. Так вот — если бы вы только сочли возможным посетить предстоящее действо или же послать доверенного человека, то можно было бы устроить наглядную демонстрацию и для вас.

Сенатор и генерал-лейтенант в одном лице ненадолго задумался, перебирая в уме запланированные дела.

— Ну что же, не вижу в этом ничего невозможного.

Посетитель тотчас поднялся и учтиво склонил голову:

— Польщен.

Хозяин кабинета в ответ не поленился встать и сделать пару шагов, обходя стол и вставая сбоку — и даже руку пожал, демонстрируя чуть ли не крайнюю степень приязни.

— Позвольте еще раз поблагодарить, ваше превосходительство, за то, что смогли уделить мне немного своего драгоценного времени.

Стоило князю уйти, как дружелюбная улыбка тотчас покинула лицо сенатора, сменившись нахмуренными бровями. Пара минут — и в дверь с легким предваряющим стуком прошел адъютант. И не один, а с очень даже объемистой папочкой в руках — была у его шефа небольшая слабость, давно уже переросшая в привычку. Любил Николай Игнатьевич после ухода очередного посетителя полистать все то, что смогли насобирать его трудолюбивые подчиненные касательно недавнего гостя. А так как простые люди к нему не заходили, то интересным чтением он был обеспечен всегда — увы, не бывает безгрешных или хотя бы просто скучных людей. Правда, его недавний гость и здесь смог выделиться — закрыт, вернее, чрезвычайно скрытен, нелюдим, чурается публичности и очень не любит, когда интересуются его личной жизнью. Но от интере-

са государственной службы его это все равно не спасло, как, впрочем, и от постоянного пригляда.

— Осмелюсь заметить, в последнем рапорте есть кое-что интересное.

— Своими словами, голубчик.

— При очередной перлюстрации писем один конверт не поддавался обычным мерам. Пар, просвечивание, тонкое лезвие, иные методы — все оказалось бессильным. Исключительный случай!

— Так.

— Ротмистр под свою ответственность приказал вскрыть конверт. Вот его содержимое, ваше превосходительство.

На стол перед Шебеко лег лист веленовой бумаги, на которой прекрасным типографским шрифтом были отпечатаны положения Всемирной почтовой конвенции. А кое-какие так даже были дополнительно обведены ярким красным карандашом, видимо, для лучшего понимания:

«...Гарантируя тайну частной переписки, участники конвенции принимают на себя обязательства не допускать нарушения оной».

Намек был настолько ясным и толстым, что двойного толкования не имел. О наблюдении знают, его терпят, но — до определенного предела. Который, похоже, уже близко. Если титулованный аристократ, стремительно обрастающий «тяжеловесными» связями и имеющий немалый авторитет в армейских кругах, обнаружит сам факт просмотра своей корреспонденции!.. Скандал выйдет изрядным. Хуже того — с весьма неприятными последствиями, в том числе и для него.

— Так!

— Более того, в том же конверте нашелся кусочек фотографической бумаги. К сожалению, она оказалась засвечена, поэтому восстановить запечатленное на ней не представляется возможным. Я уже отослал предварительное распоряжение об «утере» письма почтовыми служащими, но если будут иные указания?..

Нельзя восстановить, а значит, нельзя и подменить — кто знает, что именно было снято на эту фотокарточку? А раз нельзя сделать вид, что никто ничего и не вскрывал...

— Так!..

Решение было быстрым:

— Цензора немедленно убрать, работу с корреспонденцией

князя прекратить. Распоряжение касательно «утери» письма утверждаю.

Адъютант открыл блокнот и сделал короткую запись:

— Ротмистр?..

— В его отношении все по-прежнему. Безотлагательно разослать циркуляр о возможности обнаружения при перлюстрации вложений непроявленной фотобумаги, а также передачи сообщений с помощью этого способа. Н-да, изобретатель!.. Кхм. Далее — необходимо усилить работу по кыштымским начинаниям князя, и... пока на этом все. У вас есть что-то еще, требующее отдельного доклада?

— Никак нет, ваше превосходительство.

Аккуратно положив папку перед начальством, адъютант без промедления убыл за дверь. Шебеко же сложил пальцы в замок, положил на получившуюся опору подбородок и уперся взглядом в тисненый рисунок дубовых листьев на лицевой стороне кожаного чехла для бумаг. Николай Игнатьевич всегда считал (и не без оснований), что для того, чтобы разгадать намерения человека, так сказать — его самую потаенную суть, достаточно всего лишь понять все интересы и таланты исследуемой особы. Сложить их, отсортировать по степени важности, хорошенько все обдумать, и!.. найти тот самый «крючок», на который можно поймать очередную «рыбку». Власть, красивые женщины, деньги, слава, положение в обществе... Древние, как сам мир, но по-прежнему весьма действенные приманки. Многие, очень многие проверили на себе их губительную сладость!

— Так-с.

К большому сожалению товарища министра, молодой Агренив был как раз тем из немногих исключений, что лишь подтверждают незыблемость общего для всех правила. Жил подчеркнуто скромно (это при его-то капиталах!), развлечения, обычные для людей его круга и возможностей, попросту игнорировал — в карты или рулетку не поигрывал, лошадьми не увлекался, предметы искусства не коллекционировал. И что уж совсем было странно, к прекрасной половине человечества тоже особого интереса не проявлял! Одно время Николай Игнатьевич даже подозревал у оружейного магната кое-какие нездоровые пристрастия к собственному полу... Пока не выяснилось, что время от времени у князя все же появляются содержанки очень даже недурных кондиций.

Генерал-лейтенант полистал содержимое папки, изредка останавливаясь на самых занятных фактах, затем взял из специальной стопки белоснежный лист с голубоватым отливом, обмакнул перо в малахитовую чернильницу и поставил цифру один. А сразу после нее вывел: «Скромн». Поглядел на дело рук своих и принялся негромко рассуждать, вертя перо между пальцев:

— Скромник, но при желании умеет произвести благоприятное впечатление на кого угодно. Отчего и знакомства свои заводит с потрясающей легкостью. М-да.

На бумагу легла цифра два и рядом с ней очередное слово: «Независим».

— Независим и довольно ловко ускользает от любого давления. Но опять же — при желании умеет договариваться. Вот только непонятно, почему с каким-нибудь профессором из разночинцев он вполне приветлив и может даже шутить, а с большинством дворян держит определенную дистанцию. Хм, уж нет ли тут чего-нибудь эдакого, идейного? Хотя, надо отдать должное, с полдюжины ловушек он таким образом избежал — и ведь наверняка даже и не догадывается, что давненько уже мог бы быть женатым человеком. Ха!

Подчеркнув второй пункт жирной линией и едва не поставив небольшую кляксу, сенатор стряхнул лишние чернила обратно и небрежно записал третий пункт: «Изобретательство».

Вот тут Николай Игнатьич тяжело вздохнул и чуть ли не пригорюнился. Потому что объяснить, каким образом выпускник Первого Павловского пехотного училища умудрился получить столь глубокие и всеобъемлющие знания по множеству наук, он сильно затруднился. Физика, химия, электротехника, механика, металлургия, строительство станков... Просто кладезь талантов получается! Одно только непонятно. Чего же он их раньше не демонстрировал, например, во время учебы в Александровском кадетском корпусе? А теперь вот ну прямо как прорвало. Одна его новая взрывчатка чего стоит: в Артиллерийском комитете, поговаривают, целые дебаты развернулись!

Морское ведомство опять же интерес проявляет, и нешуточный — господа адмиралы на полном серьезе подумывают, нельзя ли этот его «гренил» в свои снаряды запихнуть, раз укротить чертов мелинит¹ никак не получается. Пулеметы свои

¹ Пикриновая кислота, она же шимоза.

на конкурс подал, императорские оружейные заводы переустраивать по-новому хочет, винтовки направо и налево продает, причем десятками тысяч... Попробуй, тронь такого — мигом столько недовольных образуется! Правда, по молодости да неопытности князь Агренов и сам успел немало мозолей оттоптать — и промышленникам, и аристократам, и даже чиновникам. Но опять же кому из чиновничества оттоптал, а кому и потрафил изрядно — например, тем из них, кто в недавно образованную Медицинскую комиссию вошел, которая по надзору за торговлей опасными лекарствами. Разом такой клубок змей образовался! И еще один образуется совсем скоро — должен же кто-то надзирать, как именно производится модернизация заводов... Работу принимать, казенные средства отпускать, планы согласовывать, наблюдать за самим ходом переустройства... Да уж, его министерству тоже работы прибавится!

Шебеко еще раз вздохнул и опять шевельнул пером, не забыв предварительно макнуть его в чернила. Четвертым словом стало: «Честолюбив».

— Пять великих князей, не считая Михаила Александровича. Юсуповы, Нечаев-Мальцев, молодой граф Игнатъев, князь Гагарин, банкир Губонин. Чертова дюжина генералов и втрое больше полковников!.. Добрая треть Главного инженерного управления, офицеры лейб-гвардии, сам военный министр, профессор Чебышев, Менделеев и под сотню его учеников. Из иностранцев тоже — сплошь и рядом настоящие «короли» от промышленности. Крупп, Тиссен, Вестингауз... И наверняка кто-то еще, такого же калибра. Еще и государыня к нему явно благоволит, а государь постоянно интересуется!.. Нет, этот юноша определенно знает, как заводить правильные знакомства.

Перо, мягко надавливая на бумагу, вывело следующее слово: «Расчетлив».

— Или же дьявольски удачлив! Хотя, пожалуй, нет — никакая удача не может длиться так долго.

Оставив одинокий лист бумаги в покое, Николай Игнатъевич бегло перечитал кое-какие страницы в папке, освежая в памяти список последних приобретений недавнего гостя. Освежил. После чего покачал пальцем увесистое пресс-папье¹ в виде фигурки льва и в очередной раз вздохнул. Потому как у

¹ Один из предметов письменного набора, представляющий собой полукруглый брусок с рукояткой сверху и с прикрепляемым снизу листком промокательной бумаги — служит для промокания текста, написанного чернилами.

него все в тот же очередной раз возникла настойчивая мысль — о том, что молодой аристократ попросту и без особых затей скупал все, на что только падал его взгляд.

Нет, ну вот что может связывать небольшой и явно дышащий на ладан заводик по выпуску елочных игрушек, крошечную мастерскую некоего Николая Карловича Гейслера и уже довольно известный издательский дом Сытина? До недавнего времени Шебеко ответил бы не задумываясь — абсолютно ничего. Первый выделывает крашенные стекляшки с финтифлюшками, второй производит мизерными партиями пожарную сигнализацию и телефоны, да еще интересуется оптикой. Третьего же и вовсе ничего, кроме газет, журнальчиков разных да несерьезных книжек в мягкой обложке, не интересовало. А теперь!..

Теперь их крепче стальной цепи связывает ротмистр пограничной стражи в отставке, кавалер Золотого оружия и иных наград, его сиятельство Александр Яковлевич Агренов. Завод он попросту купил на корню. А к Гейслеру и Сытину взял да и вошел в дело — причем полноправным компаньоном. Учитывая же тот факт, что оружейный магнат доселе нигде, никогда и никем не был замечен в бесцельном швырянии денег на ветер, — смысл во всех этих тратах определенно был. Вот только почему же Николай Игнатьич его никак не увидит?

К примеру, взять затею князя с этими его офицерскими экономическими обществами. Кои, зародившись в одном из отрядов Четырнадцатой Ченстоховской пограничной бригады, успели за сравнительно небольшой срок расползтись и по самой бригаде, и по паре соседних. Тут все ясно — этим нехитрым ходом он обеспечивает постоянный сбыт своих стреляющих игрушек, при минимальных затратах на приказчиков и содержание оружейных лавок. Причем обороты будут только расти, как и количество ячеек «Общества» — господа офицеры тоже, знаете ли, не дураки и деньги считать умеют. И скидки с рассрочками любят. Очень. Что бы они там про себя ни говорили. Все просто, все понятно, смысл и интерес Агренова, что называется, налицо. Ну почему с остальным не так, а?

— Н-да, все мы люди, все мы человеки...

Решив отложить столь непростой вопрос для отдельного рассмотрения, замминистра вернул к себе лист, опять обмакнул перо в чернильницу и медленно вывел пункт номер шесть,

несколько выделяющийся из ровной череды предыдущих: «Военный министр».

Никто не знал, какие именно договоренности были между князем и главой Военного ведомства, но в том, что они были, уже мало кто сомневался. Сенатор же не сомневался вовсе, так как до сих пор помнил охватившую его легкую оторопь — от известия, что на границе стоит вагон с больше чем дюжиной пулеметов системы Хайрема Максима, а в получателях значится «сестрорецкий затворник». Пятнадцать штук! Да столько во всем Военном ведомстве не было!.. Но стоило ему проявить вполне закономерный интерес, как тут же пришла официальная бумага от Петра Семеновича, в которой черным по белому говорилось, что таможня задержала вовсе не пулеметы. А совсем даже наглядные пособия для военно-учебных заведений Российской империи — по одному экземпляру в каждое училище. Более того, князь к каждому иностранному «пособию» присокупил аналог собственного производства, да вдобавок поставил полсотни учебных и полсотни боевых винтовок образца 1891 года. В каждое училище. С патронами. И все за свой счет.

Совсем неудивительно, что после такого меценатства на Русскую оружейную компанию пролился дождь из очень выгодных контрактов. На поставку консервов, например. Или десяти полевых госпиталей, со всем, что к ним полагалось — от скальпелей и шприцев до клистирных трубок и костылей.

— Так!

Николай Игнатьевич вернул перо к пункту один и поставил рядом жирный знак вопроса. Какая уж тут скромность, если по результатам таких «небольших подарков» его известность среди юнкеров превышает все мыслимые пределы? Да еще эта его новая затея масла в огонь подливает:

— Как бишь там? Трем лучшим стрелкам курса — пистолет особой выделки с дарственной надписью! Гип-гип — ура! И все в восторге...

В кабинет неслышной тенью просочился адъютант. Постоял минуту, ожидая, что на него обратят внимание. Не дождался, но унывать не стал, а вместо этого скромно напомнил о своем существовании. А заодно и о том, что служба службой, а обед никто не отменял:

— Кхм!

Донн! Донн!! Донн!!!

— Что? Ах да. Иду, голубчик, иду.